

Кулагин Дмитрий Леонидович

ФУНКЦИИ РУССКИХ СКАЗОК: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В данной статье проводится философско-культурологический анализ русских сказок. Выявляются основные функции сказки, как явные, так и неявные. Подчеркивается то, что в сказке отражено традиционное архаическое мировоззрение, с собственными представлениями о добре и зле, правильном и неправильном. В сказке также отразился мифологический тип мышления, опирающийся на бинарные оппозиции. При помощи анализа русской сказки выявляются основные нравственные и моральные ориентиры, актуальные для будущих поколений людей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/1/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(75) С. 133-136. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008

Философские науки

В данной статье проводится философско-культурологический анализ русских сказок. Выявляются основные функции сказки, как явные, так и неявные. Подчеркивается то, что в сказке отражено традиционное архаическое мировоззрение, с собственными представлениями о добре и зле, правильном и неправильном. В сказке также отразился мифологический тип мышления, опирающийся на бинарные оппозиции. При помощи анализа русской сказки выявляются основные нравственные и моральные ориентиры, актуальные для будущих поколений людей.

Ключевые слова и фразы: русская сказка; мифологема; мифологическое мышление; традиции предков; психология архаического человека; сказочный хронотоп.

Кулагин Дмитрий Леонидович*Южно-Российский гуманитарный институт**vzerkalah@gmail.com***ФУНКЦИИ РУССКИХ СКАЗОК: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

У каждого народа есть свои сказки или эпические сказания, которые отражают его ценности, моральные качества, быт, историю, психологию. Русские сказки являются отражением многовековых народных идеалов, складывающихся многими поколениями. Актуальность сказочного исследования во многом обусловлена глубоким потенциалом сказки как с точки зрения художественно-образной, эстетической значимости, так и с точки зрения бессознательных архетипических образов, заложенных в ней. Мифопоэтическое мышление вообще и мифологема в частности являются основой сказок. Существуют разные виды сказок (волшебные, кумулятивные, бытовые, о животных и др.). Но все виды сказок обнаруживают не только единое мифологическое основание, выраженное, прежде всего, в сказочном хронотопе и герое, но и выполняют определенные функции. Философско-культурологический анализ сказок является целью данной статьи.

Можно выделить явные и неявные функции сказок. К явным функциям относится формирование и поддержание традиции и воспитания поколений, функция коммуникативная, эстетическая (лексико-образная), социализирующая, креативная, развивающе-терапевтическая (компенсаторная). К неявным функциям относится функция целеполагания, запрета, информативная и аксиологическая.

Функция общения поколений выражается в том, что сказки снабжают подрастающее поколение нравственным опытом старших, развивают язык, память, настраивают на определенные ценности, указывают на правильный выбор. Американский психолог Эрик Берн, например, указывает на то, что модель управления на основе сказки весьма эффективна, потому что сказка содержит самые легкие способы перевода языка взрослых на язык ребенка [3, с. 50-59]. Матрицей перевода основного опыта становятся мифологема, включающие основные темы, сюжеты (мономифы), в которых уже совершен отбор о значимой системе ценностей и предпочтений старшего поколения. Благодаря мифологеме и мономифу сказки многомерно воздействуют на умственную, эмоциональную и нравственную жизнь.

Сказочные сюжеты отражают традиционное архаическое мировоззрение. В специфической манере преподносятся представления людей о добре и зле, хорошем и плохом. Сказки объясняют преимущества добра над злом, актуальность именно «добротного» пути. Как пишут современные исследователи русского фольклора Гаврилов и Ермаков, «добро в традиционной культуре предстает не столько как противоположность злу, то есть чему-то плохому, сколько составляет с ним неразрывную пару, понимается как творческое и при этом «сильное» качество. Крылатое выражение «добро должно быть с кулаками» удивительно точно отражает смысл понятия. Таким образом, добро в традиции наполняется не столько моральным, сколько, как и многие другие понятия того же ряда, «прикладным» содержанием» [4, с. 150].

В этом, кстати, можно увидеть мифологический тип мышления, опирающийся на бинарные оппозиции без выделения одной из сторон. Добро может ассоциироваться в архаическом сознании с чем-то полезным, нужным, создаваемым, тогда как зло – это несправедливость, признанное недостойным. Зло является необходимым началом добра. По словам психолога Александры Сергеевой, познание противоположности дает людям возможность обрести способность делать выбор, но для этого необходимо «разуверовать в существование одного только Всеблагого Бога или Доброй Матери, что всегда насытит, успокоит и удовлетворит все нужды любимого дитя. Нужно появления “зла” – “анти-Бога”, Ужасной Матери» [10, с. 20].

Сказочное повествование не дает прямых указаний и объяснений, как необходимо себя вести и что является добром и злом. Скорее в сказке можно найти намеки и мотивы, побуждающие к правильному выбору. Гаврилов и Ермаков по отношению к сказке говорят о том, что ей «надо просто подражать, пусть и не веря. И, подражая, отыгрывая, обнаруживать действенность сказочных расстановок, поведенческих схем» [4, с. 155]. По мнению психолога Елены Беляевой, «можно смело утверждать, что в сказке заложены азы построения базовой системы координат добра и зла, пространства и времени, формирования модели мира, социальных отношений» [2]. По мнению советского филолога-фольклориста Владимира Проппа, народное сознание делит всех героев только на положительных, которые являются настоящими, и отрицательных, которые являются ложными, в этом разделении нет середины: отрицательный герой получает наказание, а положительный награждается [9, с. 209].

Становлению героя предшествует обычно сюжет об отлучении из дома, как в случае с Василисой, изгнанной из дома мачехой. Определенные обстоятельства подталкивают героя идти порой на отчаянные поступки, но в то же время дают необходимый опыт, формируя героя как личность. Именно после изгнания из дома Василиса становится Премудрой, получает необходимые знания. Перед нами мотив индивидуации, становления личности, становление судьбы и характера через преодоление препятствий и интеграцию собственных скрытых качеств. В сказочных повествованиях нет прямого указания на хорошие поступки и плохие. Нравственные качества появляются лишь после авторской и литературной обработки, «поскольку обработку делали те, кто в силу воспитания и образования не мог и помыслить о других способах передачи нравственных установок и поведенческих правил» [4, с. 161]. Пропп указывает на то, что сказка создается в древние времена и содержит бессознательную философию народа, которую представляет рассказчик [9, с. 208].

Сказочная традиция очень важна для изучения мифологии и религиозных верований древности. Это актуально и для исследования мировоззрения архаического человека, жизнь которого напрямую была связана с мифологическими и религиозными верованиями. Многие сказочные сюжеты прямо или косвенно говорят о тех или иных архаических мифах и ритуалах.

По мнению Гаврилова и Ермакова, в русских сказках отразились различные обряды перехода из одного социального статуса в другой либо из одного магически-религиозного сообщества в другое (часто реализованные в форме инициаций). Герой, например, отторгнут от общества, ибо он «не такой, как все», затем он проходит некие испытания, требующие от него отказа от старых представлений и установок, и он выступает в роли разрушителя-трикстера и в роли благожелательного помощника, но затем, после преодоления препятствий, всё это приводит к возникновению совершенно новой личности [4, с. 236].

В сказках явно прослеживаются следы языческой традиции. Говоря словами французского философа Рене Генона, «традиция в определенном отношении и есть осознанная и эффективная связь человека с высшим состоянием бытия» [5, с. 64]. Носитель мифа вовлечен в языческое видение жизни. Как замечает по этому поводу итальянский философ Юлиус Эвола, «языческое видение жизни игнорирует всякую трансцендентность. Оно обостряется в смешении между духом и природой. Её пределом была бы мистика природных сил и суеверное обожествление народных энергий, вырастающих до идолов. Отсюда, в первую очередь, происходят партикуляризм и политеизм, обусловленный землей и кровью. Во-вторых, отсутствует концепция личности и свободы, а присутствует состояние невинности, свойственной просто природным существам, в которых еще не пробуждено никакого действительно сверхъестественного устремления» [11, с. 52-53].

Это указывает на нуминозную сущность архаического сознания: нет просто личности самой по себе, нет произвольного волевого решения, но есть опыт вовлеченности человека в откровения трансцендентной реальности. Генон выделяет две формы передачи традиции: вертикальную, выражающую «идею причастности человечества к реальности высшего порядка», и горизонтальную, которая рассматривается «в ходе циклического нисхождения, соответствующего хронологической последовательности событий, представляет собой движение в некотором смысле против “естественного” хода времени, поскольку является, в сущности, возвращением к изначальному состоянию человека» [5, с. 64].

Гаврилов и Ермаков также подчеркивают архаическую и языческую мировоззренческую установку в сказках, что необходимо учитывать при изучении сказочного наследия, современное сознание часто не принимает и не понимает некоторые архаические мифологемы, отразившиеся в сказках: «Нелогичности и несуразности, которые современный слушатель или читатель замечает и которые вполне обоснованно, казалось бы, вызывают у него то недоумение, то возмущение и отторжение, на деле не являющиеся таковыми. Вернее, являются, но исключительно с точки зрения нашего сегодняшнего мышления и современного миропонимания» [4, с. 209].

В сказочных сюжетах отразились некоторые архаические обряды. Например, в волшебных сказках прочитываются свадебные обряды. По словам отечественного филолога и историка культуры Елеазара Мелетинского, «многие, на первый взгляд загадочные, сказочные мотивы являются отражением, более или менее приукрашенным, реально существовавших брачных обычаев и свадебных ритуалов... В сказке имеются отголоски не только спортивных соревнований и разнообразных игр на свадебном торжестве, но и некоторых ритуализированных форм проверки трудовых навыков невесты-крестьянки, переходящей в семью мужа в качестве работницы, или, наоборот, распространенной при матриликальном поселении супругов практики “отработки” за невесту и эквивалентных этой практики ритуальных форм» [7, с. 292].

В некоторых волшебных сказках можно найти наиболее архаические слои повествования, где проявились древние тотемистические верования. Такие сказки, по словам Мелетинского, отражают древний обряд заключения брака с «тотемной» женой, который «ведет к использованию производственного могущества “тотемной” жены как хозяйки промысловой добычи, культурных знаков или меда, т.е. брак здесь все же средство, а не цель, как в большинстве волшебных сказок» [Там же, с. 296].

Одной из основных функций сказки является социально-воспитательная функция. Здесь необходимо сразу упомянуть и функцию запрета, которая существенно отличает сказку от прочих типов фольклорного сознания. Сюжеты многих сказок строятся на запретах (не выходить из дома, сидеть взаперти) и табу, которые при этом нарушаются. Нарушение запрета в сказках чревато коллизией, используемой в воспитании при помощи повествования, что произошло, когда герой ослушался. Например, когда Иван сжигает лягушачью шкуру [1, с. 629] (сказка «Царевна-лягушка») или заглядывает в чулан, выпустив Кощея Бессмертного [Там же, с. 297] (сказка «Марья Моревна»).

По словам Проппа, запреты являются важным и интересным культурно-историческим элементом, исходя из того, что запрещается, можно определить эпоху вместе с характером [9, с. 201]. Пропп говорит о том,

что нарушаемый запрет приводит к беде: «Нарушением запрета вызывается начальная беда. Беда в дальнейшем вызовет противодействие, и этим приводится в движение весь ход действия сказки. Таким образом, начальная беда представляет собой основной элемент завязки. Для осуществления функции запрета (запрет и нарушение) имеются специальные персонажи: змей, яга, неверные слуги, животные, воры и т.д. Эти персонажи могут быть названы “антагонистами”, противоборниками, врагами героя» [Там же, с. 202].

Помимо запретов и табу, в сказке героя косвенно подводят к выбору. Часто по сюжету сказки родители героя отходят на второй план, герою предстоит сделать правильный самостоятельный выбор, самому пройти путь испытаний. Гаврилов и Ермаков предполагают, что сказки могли использоваться в архаическом обществе в игровых посвящениях, своеобразных ритуалах и инициациях: «Действо свершается – но в виде имитации, отыгрыша неких действий, которые когда-то в начале времен совершил легендарный предок – культурный герой... Однако игровой антураж, “понарошечность” вовсе не лишает происходящее сакральной значимости и глубокого мифологического смысла» [4, с. 210-211].

Другая ключевая функция сказочных повествований – это социализация. В сказках заключены народные идеалы и культурно-нравственные правила, по которым существует архаическое общество. Сюжеты сказок приобщают новые поколения к этим идеалам, по которым будут существовать и новые поколения людей. Что касается сказки, то, как пишет современный культуролог Ольга Егорова, «сказка – это яркое проявление народной культуры каждой нации. Она содержит в себе такие сюжеты, образы, ситуации, которые специфичны для определенного этноса, что находит выражение в именах действующих лиц, названиях животных и растений, месте действия, в самобытных традиционных языковых формулах» [6].

По мнению Беляевой, сказка формирует у школьников младших классов чувство осознания своей принадлежности к определенной этнической общности, отождествления себя с ней, а также построение системы отношений в различных этнокультурных ситуациях, через сказку происходит освоение особенностей своей этнической культуры и приобщение к опыту своего народа. Она делает вывод о том, что «сказка выполняет ряд социокультурных функций, которые представляют особую ценность с социально-психологической точки зрения, а именно: социализирующую, креативную, развивающе-терапевтическую, культурно-этническую и лексико-образную. Назначением этих функций является раскрытие и реализация целостного потенциала и становление этнической идентичности ребенка. Исследование специфики русской народной сказки показало ее соответствие особенностям личности ребенка, выражающимся в отождествлении вымысла с реальностью, образности мышления, целостном, нерасчлененном восприятии мира» [2].

В сказках увлекательность всегда доминирует над познавательным значением. Здесь важен и язык изложения – намек, образ, и интрига – заколдованный герой или героиня, спрятанное сокровище и пр. Информация в сказках спрятана за метафорами, иносказаниями, шутливым способом повествования. А это делает информативную функцию сказки, как и целеполагание, неявной. Что касается целеполагания, то достижение цели осуществляется героем с помощью волшебных предметов, помощников, то есть дополнительных энергетических ресурсов. А они содействуют формированию креативной функции, как и сказочный намек и интрига.

Сказка влияет на смыслообразование и область ценностных ориентаций. Потому можно говорить об аксиологической функции сказки и былины, закодированной в мономифе в различных этнокультурных условиях. В этом смысле сказка является эффективным способом закрепления в памяти ценностных алгоритмов, определяющих поведение индивидов.

В наше время очень популярным становится метод сказкотерапии. По словам авторов книги «Типология сказки» Алексея Наговицына и Валентины Пономаревой, «укрупнение структуры сказочного действия имеет смысл и актуальность в силу того, что, во-первых, это позволяет глубже понять природу сказочного жанра и его особенности; во-вторых, речь идет о практике применения сказок в психологии и педагогике, включая обучение, воспитание, развитие и коррекцию проблемных зон внутреннего мира, как детей, так и взрослых. Это важно, например, для анализа сказок, сочиненных клиентами (индивидуально или в группе), а также при исследовании акцентов восприятия сказок, предложенных специалистом-сказкотерапевтом» [8, с. 33-34].

Таким образом, можно говорить и о компенсаторной функции сказки. Существенно в этой связи то, что события в сказке развиваются постепенно, фиксируя внимание слушателя. Затем незначительные события сменяются чувством опасности. Об этом повествуют: отъезд героя, смерть родителей, изгнание и др. Кульминация страхов и отрицательных эмоций – необходимое условие, предвещающее очищение, героизм. Герой приходит к финальному благу (невеста, богатство, победа), которое тем больше, чем острее страхи. Захватывающий сказочный сюжет вкупе с переживанием страхов и счастливым избавлением обеспечивает чувство, сходное с катарсисом. Это обогащает эмоциональный опыт человека и оказывает компенсаторное воздействие на сознание. Механизм компенсации, по замечанию швейцарского аналитического психолога Карла Густава Юнга [12, с. 34-35], основан на дополнении моделей повседневного поведения теми перипетиями, в которые вовлечен герой. Они являются аналогом этапов процесса индивидуации – Тень, Анима/Анимус, Самость.

Тень представлена борьбой, а затем согласием или победой над различными персонажами (Кошей, Баба Яга, разбойники и др.), энергия которых простирается до волшебных глубин бессознательного (Мана). Анима/Анимус интегрируется в ходе освобождения героем принцессы, выполнения различных заданий ради нее. Финал сказки указывает на интеграцию какого-либо аспекта Самости героя, что говорит о становлении личности с твердыми представлениями о добре и зле. Немаловажно наличие в сказках символов бессознательного (дремучий лес, океан) и моделей компенсаторного поведения (клубок ниток, чтобы выбраться из леса; ковер-самолет, чтобы перелететь за высокие горы в тридесятое царство и пр.). Значительная роль

колдовства и смены ликов героев сказки настраивает на моделирование поведения, смену ролей, готовность принять превратности судьбы.

Говоря о мифологическом инварианте, мы всегда имеем в виду архетип и мифологему. Они обрастают в сказках этнокультурными подробностями и различиями. Кроме того, в сказках формируются и структурные варианты действия (поступка) героев. На это обратил внимание Пропп. Инварианты действий (функций, ролей – Пропп) образуют определенный порядок в сказке. Не все роли героя присутствуют всегда, но определенно влекут за собой строго регламентированный набор действий. Этим ролям Пропп определяет семь: отправитель, царевна, герой, лжегерой, помощник, даритель и антагонист. Универсальность сказочных образов находит соответствие в понятии архетипов, целью которых является обеспечить процесс становления личностной судьбы, индивидуацию, то есть доставку на сознательный уровень бессознательного материала [9, с. 204-217].

Архетип Духа и трансформация становятся центральными мифологическими мотивами сказок. Архетип Духа раскрывает личность сказочного героя, который предстает как в виде человека и животного, так и в виде фантастических существ. Это говорит о трансформации как о важнейшей мифологической составляющей сказки (образы Дурака, скомороха и др.). Одновременно трансформация в культурно-историческом и нравственном аспекте становится компенсацией, психологической основой для воспитания человека и становления процесса индивидуации, или личной судьбы (Иван-царевич, Василиса и др.). Этот процесс задает морально-нравственные ориентиры сознанию. Сказочные существа, которых герой сказки встречает на своем пути, являются психопомпами – связующим звеном между сознанием и бессознательным, или Тенью – отвергаемыми бессознательными аспектами, формирующими компенсаторный механизм и динамику психической жизни.

Как показал анализ, функции сказок неотъемлемо связаны с мифологическим основанием сказок. Сказки отражают коллективные интересы народа, но в них реализуется также индивидуальный характер героя, десакрализованность повествования, линейность времени (взамен мифологической цикличности), относительная достоверность повествования.

Базовой мифологемой, то есть главным архетипом, в русских сказках является хронотоп, который подвергается трансформации. Мифопоэтическое обозначение сказочного хронотопа – это, как правило, введения в сюжет: «жили-были», «в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве» и др. В кумулятивных сказках при помощи повторения событий и слов вырабатывается чувство времени и ритма, дополняя компенсаторную функцию, а различие (возникшее «вдруг») обеспечивает процесс «размыкающегося» мифологического цикла. В каждой из сказок «земному», индивидуальному миру героя противостоит «иной», мифологический мир коллективного бессознательного. Это также служит делу компенсации и формированию правильного выбора, креативности и нравственности. В итоге сказочный хронотоп формирует личность героя сказки на пересечении индивидуального сознания и коллективного. Тем самым он содействует становлению индивидуальности и личной идентичности в культуре.

Список литературы

1. **Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2010. 1087 с.
2. **Беляева Е. В.** Психолого-педагогическое воздействие сказки на формирование этнической идентичности младших школьников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.childpsy.ru/dissertations/id/23137.php> (дата обращения: 14.12.2016).
3. **Берн Э. Л.** Люди, которые играют в игры. М.: Эксмо-Пресс, 2003. 567 с.
4. **Гаврилов Д. А., Ермаков С. Э.** Были и небыли. О необычном, обыденном и искусстве перехода между ними. М.: Ганга, 2011. 288 с.
5. **Генон Р.** Очерки о традиции и метафизике. СПб.: Азбука-классика, 2010. 320 с.
6. **Егорова О. А.** Традиционные формулы как явление народной культуры: на материале русской и английской фольклорной сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/traditsionnye-formuly-kak-yavlenie-narodnoy-kultury-na-materiale-russkoi-i-angliiskoi-folklo> (дата обращения: 14.12.2016).
7. **Мелетинский Е. М.** Избранные статьи. Воспоминания. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 570 с.
8. **Наговицын А. Е., Пономарева В. И.** Типология сказки. М.: Генезис, 2011. 336 с.
9. **Пропп В. Я.** Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
10. **Сергеева А. А.** Дорога в Тридесятое царство: в 2-х т. М.: Клуб Касталия, 2016. Т. 2. 312 с.
11. **Эвола Ю.** Империя солнца. Тамбов: Ex Nord Lux, 2010. 176 с.
12. **Юнг К. Г.** Эон: исследования в символике самости. М.: Академический проект, 2009. 340 с.

FUNCTIONS OF RUSSIAN FAIRY TALES: PHILOSOPHICAL-CULTUROLOGICAL ANALYSIS

Kulagin Dmitrii Leonidovich
South Russian Institute for the Humanities
vzerkalah@gmail.com

The article carries out a philosophical-culturological analysis of Russian fairy tales. It identifies the main functions of fairy tales, both explicit and implicit. The author emphasizes that fairy tales reflect the traditional archaic worldview, with its own ideas about good and evil, right and wrong. The tale also reflects the mythological way of thinking based on binary oppositions. Through the analysis of the Russian fairy tale the paper identifies the main ethical and moral guidelines that are relevant for future generations.

Key words and phrases: Russian fairy tale; mythologeme; mythological thinking; traditions of ancestors; psychology of archaic man; fairy tale chronotope.